

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ЭТНОЛИНГВИСТИКА LEXICAL SEMANTICS AND ETHNOLINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.032-044><https://elibrary.ru/bfogbe>

УДК / UDC 81'42:398.32:811.511.151

Оригинальная статья / Original article

Маркеры сакрального в текстах марийских молитв сквозь призму соотношения вербального и невербального

Л. А. Абукаева

*Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация,*<https://ror.org/01yfw8d43>sylne@mail.ru

Аннотация

Введение. В связи с возвращением общества к традиционным духовным ценностям, возобновлением молений наблюдаются новые процессы в религиозной практике верующих мари. В русле современных направлений в социально-гуманитарном познании (теолингвистика, лингвотеология, лингвокультурология, дискурсология) требуется осуществить комплексный анализ религиозных практик и текстов молитв марийской этнической религии, содержащих древнейший пласт кодов культуры. Их расшифровка позволит определить пути и способы «перевода» архаичных смыслов на язык, понятный современному поколению, сохранить идентичность и субъектность народа. Несмотря на наличие работ по этнографии, фольклористике, лингвокультурологии, многие смыслы марийских обрядов, ритуалов, мифологии остаются закрытыми или неверно истолкованными. Цель исследования – выявить и описать в текстах молитв маркеры сакрального, установив соотношение вербального и невербального компонентов в священной составляющей молений марийской этнической религии.

Материалы и методы. К исследованию привлекались тексты молитв, опубликованных в миссионерских периодических изданиях и этнографической литературе XIX в., в научных и научно-популярных трудах XX–XXI вв., данные научного рукописного фонда Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, а также полевые материалы автора. Работа проводилась с применением сравнительно-исторического, сопоставительного, описательного методов и лингвокультурологического анализа. Благодаря их использованию удалось раскрыть значимость и смысловое наполнение языковых знаков в их связи с невербальной составляющей обрядов.

Результаты исследования и их обсуждение. В религиозных ритуалах и текстах молитв зафиксированы представления марийского народа о священном, божественном, имеющем абсолютную ценность. Отношение к сакральному отражается в принципах и правилах поведения как при подготовке к молению, так и при совершении ритуала. Соблюдение строгих запретов обеспечивает неприкосновенность священной рощи, правильность совершения обрядовых действий. Эвфемизмы и перифрастические номинации, обозначающие животных и птиц как дар, по представлениям верующих, позволяют принести богам именно угодные подношения: лопка санга ‘широкий лоб’ (баран); сурт кудыр ‘домашний тетерев’ (курица). Отделяя божественное от мирского, эпитеты в текстах марийских молитв отмечают чистоту, цельность, неприкосновенность подношений. Слова, обозначающие сакральные предметы и явления, наделяются теми же эпитетами, которые функционируют при лексеме юмо ‘бог’: ош(о) ‘белый, светлый’, поро ‘добрый’, кугу ‘великий’.

Заключение. Комплексный анализ сакральных текстов и ритуалов марийской этнической религии позволяет выявить в них утрачиваемые смыслы и значимость, расшифровать содержащуюся в них информацию о ценностных установках, определить причины трансформации и десакрализации ритуальных

© Абукаева Л. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

практик. В перспективе следует обратить исследовательское внимание на структурно-семантический анализ устойчивых словесных конструкций, клише, определяющих композицию молитв и особенности функционирования сакральных компонентов в ритуальной практике.

Ключевые слова: марийский язык, марийская этническая религия, ритуал молений, молитва, сакральность, маркеры сакральности

Финансирование: публикация подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 25-28-00064 «Сакральные тексты марийской этнической религии как лингвокультурный феномен».

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Абукаева Л.А. Маркеры сакрального в текстах марийских молитв сквозь призму соотношения вербального и невербального. *Финно-угорский мир.* 2026;18(1):32–44. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.032-044>

Markers of the Sacred in the Texts of Mari Prayers through the Prism of the Correlation between the Verbal and the Non-Verbal

L. A. Abukaeva

*Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russian Federation,
<https://ror.org/01yiw8d43>
sylne@mail.ru*

Abstract

Introduction. In connection with society's return to traditional spiritual values and the revival of prayer practices, new processes are emerging in the religious life of Mari believers. In line with contemporary trends in the social sciences and humanities (theolinguistics, linguoethology, linguoculturology, and discourse studies), it is necessary to undertake a comprehensive analysis of the religious practices and prayer texts of the Mari ethnic religion, which contain the most ancient layer of cultural codes. Their decipherment will make it possible to determine the ways and means of "translating" archaic meanings into a language accessible to the modern generation, while preserving the identity and subjectivity of the people. Despite the existence of studies in ethnography, folklore, and linguoculturology, many meanings embedded in Mari rites, rituals, and mythology remain concealed or have been misinterpreted. The aim of this study is to identify and describe markers of the sacred in prayer texts by establishing the correlation between verbal and non-verbal components within the sacred dimension of the prayer practices of the Mari ethnic religion.

Materials and Methods. The study drew on prayer texts published in nineteenth-century missionary periodicals and ethnographic literature, as well as in scholarly and popular scientific works of the twentieth and twenty-first centuries; materials from the scientific manuscript archive of the Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasiliev, and the author's field data. The research was conducted using a complex of scholarly methods, including the comparative-historical, contrastive, and descriptive approaches, as well as linguocultural analysis. Their application made it possible to elucidate the significance and semantic content of linguistic signs in their connection with the nonverbal component of rituals.

Results and Discussion. In religious rituals and prayer texts, the Mari people's conceptions of the sacred, the divine, and that which possesses absolute value are articulated and preserved. Attitudes toward the sacred are reflected in the principles and rules governing behavior both in preparation for prayer and in the performance of the ritual itself. The observance of strict prohibitions ensures the inviolability of the sacred grove and the correctness of ritual actions. Euphemisms and periphrastic designations referring to animals and birds as offerings, according to believers' views, make it possible to present to the gods those gifts that are deemed pleasing: *lopka saŋga* 'broad forehead' (ram); *surt kÿdyr* 'domestic grouse' (hen). By distinguishing the divine from the mundane, epithets in Mari prayer texts emphasize the purity, integrity, and inviolability of the offerings. Words denoting sacred objects and phenomena are endowed with the same epithets that function with the lexeme *yumo* 'god': *oš(o)* 'white, bright', *poro* 'good', *kugu* 'great'.

Conclusion. A comprehensive analysis of the sacred texts and rituals of the Mari ethnic religion makes it possible to identify meanings and significances that are being lost, to decode the information they contain regarding value orientations, and to determine the causes underlying the transformation and desacralization of ritual practices. In the long term, research attention should be directed toward a structural-semantic analysis of stable verbal constructions and clichés that shape the composition of prayers and define the specific functioning of sacred components within ritual practice.

Keywords: Mari language, Mari ethnic religion, ritual of prayer, prayer, sacredness, markers of sacredness

Funding: The publication was prepared within the framework of the implementation of the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00064 “Sacral texts of the Mari ethnic religion as a linguistic and cultural phenomenon”.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Abukaeva L.A. Markers of the Sacred in the Texts of Mari Prayers through the Prism of the Correlation between the Verbal and the Non-Verbal. *Finn-Ugric World*. 2026;18(1):32–44. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.032-044>

Введение

Процессы, происходящие в духовной жизни общества (с одной стороны, стремление сохранить традиционные ценности, возвращение к религиозности, возникновение новых форм религий, в том числе в виртуальном пространстве, с другой – критика религиозных догм, десакрализация, религиозные конфликты и др.) требуют научного осмысления, экспертной оценки. Несмотря на наличие работ по этнографии, фольклористике, лингвокультурологии, многие смыслы марийских обрядов, ритуалов, текстов остаются неизученными. Необходимо комплексное исследование религиозных практик и текстов молитв марийской этнической религии для расшифровки древнего пласта кодов культуры.

Цель статьи – выявить и описать в текстах молитв маркеры сакрального, установив соотношение вербального и невербального компонентов в священной составляющей молений марийской этнической религии.

Обзор литературы

В современной социально-гуманитарной сфере наблюдается «повышенный интерес к проблемам интерпретации сакрально-религиозных текстов» [1, с. 713], существует проблема выбора подходов к изучению, толкованию религиозных текстов.

Лингвистами в исследовании природы сакрального достигнуты значительные результаты. В современных изысканиях анализируются основные виды и формы актуализации сакральности [2], особенности состава и функционирования сакральной лексики в системе языка [3], уделяется внимание проявлениям сакрального в контексте религиозного общения, его сущностным характеристикам и функциям [4]. Языковые единицы с данной семантикой изучаются с позиций лингвокультурологии и лексикографии [5], предпринимаются попытки разграничения понятий сакрального и религиозного текстов [6], осуществляется идеографическое описание сакральной лексики [7]. При этом следует отметить, что зарубежная светская наука, исследуя священные повествования, ритуалы, доктрины, религиозный опыт, порой оказывается на грани оскорбления чувств верующих. В качестве примера приведем статью К. Кука «Психиатрия в Священном Писании: священные тексты и психопатология» [8] и книгу Г. Штейна «Скрытая психиатрия Ветхого Завета» [9]. Результаты работ такого рода ставят перед обществом дилемму: что отражается в священных текстах – мистический опыт или результат психических расстройств? При чем последнее порой приписывается и персонажам, и авторам библейских текстов. Например, пророческие переживания Иезекииля, включая слуховые галлюцинации, связываются с шизофренией. Анализируются чувство вины и депрессия у Иова, паническое расстройство и отвращение к себе у Иеремии и т. п. [9]. С одной стороны, самими авторами таких работ высказывается мнение: «может быть, слишком легко неверно истолковать эти древние стихи и вложить в стихи, изначально духовные и религиозные по своему замыслу,

современный психиатрический смысл» [10]. С другой стороны, подобные исследования оцениваются как «ценные», показывающие, «как можно переосмыслить библейскую характеристику, освободившись от буквализма» [11].

Именно поэтому собственно филологические вопросы и задачи на сегодняшний день уже не сводятся лишь к необходимости изучения проявления религиозного фактора, духовных ценностей прежде всего в религиозном дискурсе и религиозных текстах. Существует острая потребность в комплексном изучении смысловой составляющей, семиотической сути сакрального. При этом следует учесть, что «сакральное выступает гарантом и символом целостности общества, смыслообразующим центром в коллективном сознании»¹, «внутренним механизмом обеспечения выживания»².

Несмотря на то что этническая религия мари как уникальный объект изучалась многосторонне, сакральная составляющая марийских молений и текстов молитв не была объектом специальных исследований. Н. С. Попов посвятил свои научные разработки анализу религиозных ритуалов и практик, влияния на религию мари ислама и христианства, связи социальной структуры марийского общества и религиозных представлений народа, истории марийской традиционной религии³ [12]. Философские труды Ю. А. Калиева посвящены выявлению мировоззренческой составляющей «язычества», его феноменологической сути⁴ [13].

Изучая основные структурообразующие компоненты-ряды традиционной системы мировоззрения марийцев, Л. Тойдыбекова рассмотрела марийское «язычество» в аспекте отражения в нем этнического самосознания⁵. Ключевые концепты марийской этнической религии исследовала Л. А. Абукаева [14]. Культуролог Г. Е. Шкалина, освещая проблему священного в мироопределении мари, изучила сакральность как ядро традиционного мировидения⁶. Роль марийских священных рощ «разной степени сакральности» в сохранении культурной идентичности народа раскрыл Н. В. Кудрявцев [15]. Основные характерные черты священных мест удмуртов и марийцев Удмуртии, проблемы, связанные с их изучением и охраной, описала Н. И. Шутова [16].

При этом суть, признаки, маркеры сакрального, соотношение вербального и невербального в таком специфическом явлении, как ритуалы марийских молений, до настоящего времени не были объектом специальных научных изысканий.

Материалы и методы

Исследование проводилось на основе анализа текстов молитв, записанных и опубликованных в XIX–XXI вв., а также описаний обрядов и ритуалов молений из научного рукописного фонда Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, материалов фольклорных экспедиций Марийского государственного университета и полевых материалов автора статьи. Работа осуществлялась с применением комплекса научных методов. Лингвокультурологический анализ позволил выявить смысловое наполнение языковых знаков в их связи с невербальной составляющей обрядов. С помощью сравнительно-исторического метода были изучены архаичные элементы в религиозной практике мари. Особенности

¹ Медведев А.В. Сакральное как причастность к абсолютному. Екатеринбург: Банк культурной информации; 1999. С. 42.

² Там же. С. 43.

³ Попов Н.С. Верования марийцев XIX – начала XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.; 1981. 25 с.

⁴ Калиев Ю.А. Язычество: культурно-историческое содержание. В: Актуальные проблемы полиэтнического региона и перспективы народов России: сб. трудов конференции. Йошкар-Ола; 1995. С. 54–56.

⁵ Тойдыбекова Л. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu: Joensuun yliopisto; 1997. 397 с.

⁶ Шкалина Г.Е. Священный мир марийский. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во; 2019. 303 с.

структуры, функционирования языковых единиц и конструкций в их современном состоянии были выявлены с помощью описательного метода. Компонентный анализ способствовал раскрытию содержания значимых языковых единиц в молитвах.

Результаты исследования и их обсуждение

Молитвы марийской этнической религии являются отражением мифологических, религиозных, философских, социальных, эстетических и этических представлений народа. Кроме того, в молитвах представлена достаточная информация об особенностях молений: определенные части молитв соответствуют ритуальным действиям, обрядовые действия комментируются и сопровождаются молитвенными речами служителей культа.

При исследовании маркеров сакрального в текстах марийских молитв мы исходим из следующих базовых положений. Сакральное коренится в самой человеческой природе, с его помощью человек наделяет свой мир священными и мистическими смыслами, противопоставляя их обыденному. В религиозных ритуалах «связь человеческих событий со священными силами не просто подтверждается, а буквально восстанавливается снова и снова»⁷. Сакральное обладает определенными признаками. Так, сакральное пространство «предполагает некую иерофанию, некое вторжение священного, в результате чего из окружающего космического пространства выделяется какая-либо территория, которой придаются качественно отличные свойства»⁸. К наиболее существенным свойствам сакрального относят сверхъестественность, духовность, нематериальность, самодостаточность, иррациональность, вечность, первичность, разумность, которые для верующего проявляются как «невыразимое блаженство»⁹. Являясь многослойным феноменом, сакральность актуализируется лингвосемиотическими способами: вербальным, акциональным, предметным, персональным [2]. Анализируя тексты марийских молитв как сакральные, в данной статье из множества определений мы опираемся на дефиницию, предложенную Н. И. Коноваловой: «Сакральный текст – это произносимый по особым правилам или в особых условиях суггестивный текст, символически насыщенный, обладающий относительно устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мифологического сознания» [17, с. 258].

Из оппозиции «божественное – демонологическое», в которой репрезентируется сакральное, в этой работе к анализу предлагаются тексты, имеющие отношение к «верхнему миру», т. е. миру богов и божеств.

Тексты молитв марийской этнической религии не имеют строгой письменной фиксации, не выполняют функцию канона. Имеются публикации религиозных текстов, которые служат своеобразной опорой для священнослужителей¹⁰. Кроме того, в пространстве ритуала моления функционируют молитвы, освоенные священнослужителями в результате изустной передачи, именно поэтому им присущи творческое начало, вариативность, адаптация, редукция при порождении современных молитв.

⁷ Berger P.L. The Social Reality of Religion. London: Pergamon Press; 1969. 390 p.

⁸ Eliade M. The Sacred and the Profane: The Nature of Religion. Trans. from the French by W. R. Trask. New York: Harcourt, Brace and Company; 1959. P. 164.

⁹ Otto R. The Idea of the Holy: An Inquiry into the Non-Rational Factor in the Idea of the Divine and Its Relation to the Rational. London; New York: Oxford University Press; 1958. 228 p.

¹⁰ Марий кумалтыш мут = Марийские молитвы-заклинания. Сост. Н. С. Попов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во; 1991. 256 с.; Попов Н.С., Таныгин А.И. Юмын йўла = Основы традиционной марийской религии. Йошкар-Ола: Марий Эл Республикын тўвыра да калык коклазе кыл шотышто министерство, Республикасе усталык рўдер; 2003. 272 с.; Мамаев В.М. Марий юмыйўла да пайрем-влак = Марийские религиозные обряды и праздники. Йошкар-Ола; 2014. 64 с.; Марий кумалтыш мут радам = Марийские молитвы. «Марий кумалтыш погын» марий юмыйўлан У Торъял юмыйўла организацийжым вуйлатыше В. Г. Блинов ямдылен. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет ООО; 2018. 36 с.; Эр ўжара гыч кас ўжара марте = От рассвета до заката. Марий Эл Республикасе Рўдö Марий Юмыйўла ушемьн Йошкар-Оласе «Марий кумалтыш общиныже». Йошкар-Ола; 2022. 52 с.

Особенность функционирования языковых знаков в религиозном дискурсе заключается в том, что они используются в рамках коммуникации верующих со сверхъестественными силами, богами, божествами, духами. Именно поэтому само ритуальное действо и все, что с ним связано, воспринимается как необычное. От правильности совершения обряда, по представлениям верующих, зависит будущее человека и его близкого окружения, этнического сообщества. Высокий статус моления определяет ряд принципов и правил коммуникации священнослужителей с Юмо и богами, верующих с Юмо и богами, священнослужителей между собой, священнослужителей и верующих.

Смысл молений, как отмечается в текстах марийских молитв, сводится к тому, чтобы призвать Юмо и богов в моленную рощу, предложить им дары с целью восполнить небесное изобилие, обеспечив угодность подношений, их принятие богами, и получить милость, поддержку, защиту высших сил, ниспосылаемое богами и поднимаемое *Мланде Ава* 'Матерью земель' изобилие всех благ. Все это во имя продолжения жизни человека, пребывания в радости, возможности праздновать жизнь всем сообществом, ради будущего детей и внуков и для проведения молений в последующем. Так моление за молением приверженцы марийской этнической религии воспроизводят символический смысл жизненного круга, который бесконечно повторяется со строгой последовательностью и закономерностью.

Приверженность к вечному, божественному, священному верующие мари выражают в ритуальных действиях и с помощью языковых средств. Так, направления движения в священной роще определяются *кече ынгай дене* 'по солнцу'. Особую значимость этот смысл имеет в той части молитв, в которой верующие просят о благополучном возвращении воинов в родные места: *Пелне коштын, кече гае савырнен, суртышкыжо толын, тылзе гай нӧлталтын, ачаж-аваж дене йолташыж дене, шочшыж-влак дене, пошкудо-сандушыж дене шочмо-кушмо элыштыже пырля илаш ынгайым йодам*¹¹ «Побывав в чужой стороне, возвратившись, как солнце, поднявшись, как месяц, прошу о возможности жить в родном краю вместе со своими родителями, с друзьями, с родными, с соседями-товарищами».

Приступая к совершению молений, вступая в сакральное пространство, священнослужители и в наши дни строго и последовательно соблюдают принципы и правила, относящиеся к ритуальным действиям. Для приготовления пищи (каши, бульона, мяса) отводится специальная посуда, которая содержится в чистоте и в быту не используется. Раньше это были чугунные котлы, бочки из дуба (*тумо печке*), осиновые блюда (*шопке кумыж*), кленовые ковши (*ваштар корка*)¹². В молитвах соблюдение этих правил особо отмечается: *Эре чон дене, эре вургем чиен, эре верыш шагатын порешыже, тылзын уэшыже рушарня кечын кугу юмын ончык кумалаш толын улына, йодмынам кавыл ыштен нал*¹³ «С чистой душой, надев чистую одежду, на чистое место в добрый час, на новую луну в воскресный день мы пришли молиться перед великим богом, прими наше моление».

Нарушение правил и запретов может вызвать весьма нежелательные последствия. Так, если столб, к которому привязывается животное, окажется не на установленном месте, бог не принимает его. Ошибку следует исправить незамедлительно¹⁴.

В данной работе будут проанализированы такие маркеры сакрального, как *ойӧрӧ* 'табу', перифрастические номинации, эвфемизмы, компаративные конструкции, эпитеты; определено их место и функции в текстах молитв, а также установлена их соотношенность с акциональными и предметными кодами культуры.

¹¹ Марий кумалтыш мут. Сост. Н. С. Попов. С. 49.

¹² НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ 1961. № 19. С. 10.

¹³ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ 1962. № 49. С. 36.

¹⁴ Tscheremissische Texte. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben von Paavo Siro. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura; 1939. S. 194.

Сакральность отмечается системой табу, которые сопровождают процесс подготовки к молению, сам ритуал и время после проведения моления. Так, верующие идут на моление обычно без лишних слов. В тексте молитвы есть прямое указание, запрещающее разговоры и беседы со встречаемыми людьми: *Отыш кайыме годым ала ўдырамаш вашилеиш, ала пўрѣен, ала шешкым ужсын мутланыше лиеиш – тугай сиян сансалык калык ида лий*¹⁵ «Когда идете в священную рощу, быть может, женщина встретится или мужчина, или кто заговорит, встретив сноху, – не будьте такими бестолковыми людьми». Информанты особо подчеркивают, что на моление старшая в доме женщина отправлялась по задворкам, велев домочадцам вести себя тихо, скромно и пристойно до ее возвращения¹⁶. Запретам культового характера посвящены отдельные работы автора данной статьи [18; 19].

Система правил и табу регулирует проведение обрядов, порядок принесения даров, их характер. Однако, несмотря на строгую регламентированность ритуала, желание священнослужителей и верующих последовательно и четко следовать принципам и правилам, по разным причинам возможны отступления от традиций. На такой случай в молитвах содержится обязательная извинительная часть: *Поро Кугу Юмын Витнызыже, ала ончылжым шойыч каласенна, ала шойылжым ончыч каласенна, шудымыжым шуктен, йонгылыш пашанам пореш касарыгычет манын сўрвалена*¹⁷ «Докладчик Доброго Великого Юмо, быть может, начальные слова мы в конце сказали, конечные слова в начале сказали, то, что не дошло, доведя, обратил бы (ты) в добро наши ошибки, говоря, молим». Особая извинительная молитва читалась и на следующий день после моления¹⁸.

Отделение высшего, божественного от обыденного, повседневного в текстах молитв прослеживается при использовании перифрастических номинаций. Причина кроется не только в избегании прямых наименований. В молитвах перифразы, обобщенные и эвфемистические обозначения даров-животных используются с целью указать, что богу приносится именно угодное подношение. Среди таких выражений в текстах молитв нами выявлены *тўсан вольык* ‘букв. (с определенной) мастью скот’; *чинче пунан шарпоч* ‘букв. с блестящей шерстью волосатый хвост, т. е. лошадь, конь’ (*шарпоч* < *шар* ‘конский волос’ + *поч* ‘хвост’); *лопка санга* ‘широкий лоб, т. е. баран’; *ныл йолан* ‘четырёхногий, т. е. баран’; *тўсан комбо / лудо* ‘с оперением определенного цвета гусь / утка’. *Тўсан* переводится как ‘имеющий какой-либо цвет, окраску, букв. с цветом, цвета’. Эти обозначения обобщают номинацию и сглаживают возможные ситуации, когда обещанный дар только определенной масти невозможно «отправить богам»: животное, заранее подготовленное и выбранное для дара, не отряхивается, когда его обливают водой, чтобы удостовериться в угодности богам. Таких животных приходится заменять или отпускать.

Перифрастическую номинацию священнослужители использовали и в случаях, когда моление проводили в честь того или иного *Керемета* – духа-покровителя рода, первопредка: *кугу межсан чодыра тага* ‘букв. с длинной шерстью лесной баран, т. е. заяц’; *кугу межсан мўнгў тага* ‘букв. с длинной шерстью домашний баран, т. е. кролик’, *сурт кўдыр* ‘домашний тетерев, т. е. курица’.

Маркерами сакрального в марийских молитвенных текстах являются и компаративные конструкции, образующие многочисленные ряды: *куҥо жумо, шотшшо иҥа шубәжлан јонләдәтә уә-акәләт пуен, каҥан ҥане капан штен, умла ҥане оҥартен, ер-түтра*

¹⁵ Марий кумалгыш мут. Сост. Н. С. Попов. С. 130.

¹⁶ Запись Абукаевой Л. А. от Килинбаевой М. Е, 1970 г. р., д. Новоключево Мишкинского р-на Республики Башкортостан, 2025 г.

¹⁷ Марий кумалгыш мут. Сост. Н. С. Попов. С. 191.

¹⁸ Кузнецов С.К. Черемисская секта Кугу Сорга: Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та; 1909. С. 13–14.

yañe löltäkten, šušo kinde yañe peyyäðäläkäm puen, melna yañe šarlen ilaš kumdaläkäm puen, šüraš kañe nuýäðäläkäm puen, ketfše yañe ijañ ke(tşañ šten, täläze yañe tišmašlakäm puen, šüädär yañe βolyäðäläkäm puen, šište-peťšken yañe tör iläšäm puen, βarasem yañe βa(tšämäten oš porsän yañe ümär sulen ilaš kuýo, šuläkäm täjle(išet, kuýo jumo, jodän kumalna)¹⁹ «Великий Юмо своим родившимся детям дал незамутненный разум, создал их со статью, подобной стогам, поднимал их, словно хмель, возвышал, словно утренний туман, дал крепость, как у спелых хлебов, дал ширь, как у блина, чтобы плодиться, распространяться (роду), дал густоту, подобную крупе, чтобы жить, как солнце, продлил дни, дал полноту (жизни), как у луны, дал свет, подобный сиянию звезд, дал гладкую, словно воск, жизнь, чтобы жить, веселясь, словно ласточки; жизнь продлевая, словно белый шелк, большого здоровья у тебя прося, молимся, Великий Юмо». Рассматриваемый фрагмент по сути является «осколком» мифа. Основания сравнения в составе таких цепочек прямо указывают на символические смыслы, которыми надеялись объекты сравнения, уточняют, делая зримыми, просьбы и чаяния верующих.

Будучи одним из древнейших способов познания мира, сравнение в сакральных текстах не столько служит средством выразительности, сколько несет символические смыслы и воплощает древнейшие культурные коды. Символы, как правило, многозначны. Проанализируем такой предметный код, как *шыште/шыште* ‘пчелиный воск’. В текстах молитв воск представляется как символ долголетия, ровной, гладкой жизни. Сравним фрагмент марийской молитвы с представленным выше текстом: *шыште гае ўмыр шуен, ий гыч ийышке шулык таза ылышым йодын кумалына*²⁰ «Словно воск, жизнь продлевая, из года в год молимся, прося здоровья и долголетия». Ритуальное назначение и функции пчелиного воска определяют высочайшие требования к его качеству. Еще С. К. Кузнецов писал, что для свечей воск используется «всегда желтый (неотбеленный), непременно свой черемисский, а не купленный у иноплеменника»²¹. Информанты отмечают, что свечи для молений изготавливали из воска диких пчел, такой воск получил название *йылме шыште* ‘языковой воск’, поскольку по форме напоминает язык²².

Свет восковой свечи освещает моление, что также отмечается в молитве: *Тичмаши шыште сортам волгалтарен, йўлатена*²³ ‘Освещая целой восковой свечой, сжигаем’. Огонь, дым свечи, как дым костра, согласно представлениям верующих, доставляют дары и молитвенные просьбы до Юмо. Священнослужитель эту просьбу адресует *Тул водыж* ‘духу огня’, *Тул Ава* ‘Матери огня’ или непосредственно свече: *Саска сорта, виктарен шого!*²⁴ «Восковая свеча, направляй!»

Особо важное значение придается и аромату свечи – *тичмаши саска сорта пуи дене, тўсан вольык дене кумалына*²⁵ ‘с ароматом целой / цельной восковой свечи, с животными молимся’.

Свеча служит даром наряду с другими подношениями: *...саска сортам товьлен наза!*²⁶ «восковую свечу примите с любовью»; *Инде, Юмо, онаенгыкем кавыл ыштыже, тендан кумалтыида кавыл лийже, шыште сортадат кавыл лийже*²⁷ «Теперь пусть Юмо примет мое служение, пусть будет принято ваше моление, пусть будут приняты ваши восковые свечи».

¹⁹ Tscheremissische Texte. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben von Paavo Siro. S. 35.

²⁰ Марий кумалгыш мут. Сост. Н. С. Попов. С. 57.

²¹ Кузнецов С.К. Черемисская секта кугу сорта: Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев. С. 12.

²² Запись Абукаевой Л. А. от Килинбаевой М. Е, 1970 г. р., д. Новоключево Мишкинского р-на Республики Башкортостан, 2025 г.

²³ Марий кумалгыш мут. Сост. Н. С. Попов. С. 16.

²⁴ Там же. С. 23.

²⁵ Там же. С. 129.

²⁶ Марий кумалгыш мут радам. С. 12.

²⁷ Марий кумалгыш мут. Сост. Н. С. Попов. С. 109.

В акциональном коде культуры языковые средства соотносятся с ритуальными действиями [20, с. 348]. Так, с помощью воска к ручке чаши с квасом прикреплялась серебряная монета²⁸, чаше придавался особый статус: ритуальный предмет выделялся, противопоставлялся предметам светского мира, он получил название *ший корка* ‘серебряная чаша’. Многозначность, многослойность предмета-символа, как демонстрирует комплексный анализ, связаны с его многофункциональностью.

Компаративные конструкции соотносятся с принципом уподобления. Он лежит в основе одной из главнейших целей ритуала – побудить богов действовать так, как действуют люди. Перед приношением животного в дар богам его «очищают»: окуривают дымом, обливают водой. Если животное встрепенется, это послужит знаком его угодности богу. Если этого не происходит, обряд повторяют до 7–9 раз. Акциональный код многозначен: смысл не только в том, чтобы очистить дар и убедиться в принятии животного богом, но и побудить Юмо действовать аналогичным образом. Ср.: *Поро Кузу Юмо, ракмат йывыртыктен, йöратен налметлан, вүд пыштен айдеме кид шоржым рүзалтарен, почкалтарен налметлан*²⁹ «Добрый, Великий Юмо, спасибо, что принял с любовью, радуя (нас), очистив от грязи человеческих рук, заставив (скотину) встрепенуться» и *О Поро Кузу Юмо, ме ұлычын рүзалтарена, тый күшычын рүзалтарен пу*³⁰ «О Добрый, Великий Юмо, мы сотрясаем (заставляем встрепенуться животное) снизу, ты стряхивай сверху (свои дары)!»

Закономерности функционирования эпитетов как маркеров сакрального в текстах молитв не сводятся к их образному потенциалу и эмоциональному воздействию, хотя эстетическая составляющая способствует отделению сакрального от профанного. В марийских молитвах слова, обозначающие сакральные предметы и явления, наделяются теми же эпитетами, которые функционируют при лексеме *юмо* ‘бог’.

Эпитет *ош(о)* ‘белый, светлый’, выступая в сочетании с существительным *юмо* ‘бог’, отмечает в образе денотата такие качества, как чистота, светлость, совершенство. В молитвенных текстах с постоянным эпитетом *ош* ‘белый, светлый’ используются лексемы, обозначающие космические объекты: *ош Сандалык* ‘светлая Вселенная’, *ош кече* ‘белое солнце’, *ош кава* ‘белое небо’.

Рассматриваемый эпитет в сочетаниях *ош вынер* ‘белый холст’, *ош солык* ‘белое полотенце’, *ош үстембалишовыч* ‘белая скатерть’, *ош туара* ‘белый творожник’ прочно связывает духовный и предметный коды культуры: *ош туара гай ош ылышым, үй гай аяклака ылышым тыланена*³¹ «словно белый творожник, светлой жизни, словно масло, гладкой жизни просим».

Постоянный эпитет *ош(о)* ‘белый, чистый’ подчеркивает чистоту даров, дает отсылку к древним мифологическим представлениям. Белый творожник, который кладут на хлеб или блины, символизирует белое, чистое небо – верхний мир. Белый холст, согласно представлениям верующих, обеспечивает защиту священной рощи. С этой целью место моления особым образом обозначается, отделяется от мирского пространства. Раньше во время крупных молений белое полотно натягивали вдоль всей молельной рощи³². В настоящее время при входе в рощу вешается длинное белое холщовое полотенце. В основе таких ритуальных действий лежит представление о том, что белое полотно очищает дары и сохраняет их чистоту. Именно поэтому вдоль него вели в священную рощу коня, предназначенного в дар богу³³. А когда

²⁸ НРФ МарНИИЯЛИ. 1963. От. 1. Д. 471. Л. 117.

²⁹ Марий кумалгыш мут. Сост. Н. С. Попов. С. 108.

³⁰ Tscheremissische Texte. Gesammelt von H. Paasonen. Herausgegeben von Paavo Siro. S. 199.

³¹ Марий кумалгыш мут. Сост. Н. С. Попов. С. 13.

³² Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Сост. В. А. Аккорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во; 1991. С. 33.

³³ НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ 1966. № 3. С. 6–8.

приходилось доставлять коня издалека из желания отправить богу самого лучшего, его окутывали белым холщовым полотном и процессию сопровождали игрой на гуслях, исполняли «божьи песни»³⁴.

Наибольший символический смысл имеет *ош солык / ош шовычо* ‘белое полотенце’. Так, в мифологической картине мира мари Млечный Путь обозначен как *Шочын Аван солыкшо* ‘Полотенце Богини-матери рождения’. Молящиеся мари верят, что на священную рошу нисходит божье полотенце – *Юмын солык вола*. Полотенца во время праздника *Агавайрем* дарят картам молодухи. Данный атрибут символизирует мирную, благополучную жизнь: *ош шовычо дене чевер тыныслыкым, саклыкым пуэн шого*³⁵ «С белым полотенцем давай мира, спокойствия». Гусей и уток несли в рошу, также обернув в чистые полотенца, что сохраняется и в настоящее время. Священнослужители и в наши дни не берут денежные подношения непосредственно в руки: при принятии *ший надыр* ‘букв. серебряного вклада / дара’ от молящихся они используют полотенце или подол кафтана. Также, взяв в руки полотенце, ставят и убирают свечи, голыми руками свеч не касаются³⁶. Очевидно, это обрядовое действие относится к числу древнейших, поскольку аналогично поступают жрецы и молящиеся во время удмуртских жертвоприношений [21, с. 301].

Эпитет *поро* ‘добрый’ при слове *юмо* ‘бог’ в текстах марийских молитв реализует несколько значений: дарующий благо (достаток и благополучие), несущий добро, радость, милосердный, всемилостивый. Именно поэтому в молитвах подчеркивается, что моление проводится в добрый день (*кечын порешыже* ‘букв. в доброте дня / солнца’³⁷), в доброе время (*поро жапыште / жапеш*). Молящиеся просят доброго здоровья (*поро тазалыкым*), доброго счастья, благополучия (*поро шулыкым*), доброй милости, защиты (*поро серлагышым*), доброго рассудка (*поро уш-акылым*), доброго урожая (*поро шурным*), доброго случая (*поро йӧным*) – словом, доброй, благополучной жизни для своих добрых детей, добрых ростовников, добрых соседей, добрых приятелей, доброй семьи, доброго народа с добрыми намерениями, с добрыми сердцами (*поро ылышым поро икшывылан, поро шочшылан, поро пошкуылан, поро танлан, поро ешлан, поро калыклан, поро шонышо поро шӱмна дене, поро кумыл дене*). Тавтологическое сочетание, истовая просьба *поро порылык* ‘о добром добре / доброй доброте’ в обобщенном виде концентрирует в себе главный мотив обращений верующих к Юмо.

Прилагательное *кугу* ‘великий’ в сочетании с существительным *юмо* ‘бог’ актуализирует следующие компоненты своего значения: высший, главный, всесильный, чтимый, значительный, возвышающий, возвышающийся. Исходя из такого понимания, дары тоже должны подноситься достойные, отсюда *кугу кинде* ‘букв. большой хлеб’, *кугу шорва* ‘большая сыта, квас’, *кугу сорта* ‘большая свеча’. Молящиеся просят защиты от большого ветра (*кугу мардеж гыч*), от большого, тяжелого дождя (*кугу неле йӱр деч*), от большого урагана (*кугу тӱтан деч*), от большого наводнения (*кугу вӱд деч*). И молятся мари о великой милости (*кугу серлагыш*), о большом счастье, здоровье (*кугу шулык*), о великом изобилии (*кугу перке*), о великой силе (*кугу вий*).

Представление о сакральном фиксируется в языке и с помощью других эпитетов: *ший* ‘серебряный, серебристый’, *зре* ‘чистый’, *тичмаш* ‘целый, цельный, непочатый’, *сӧрастарыме* ‘украшенный’, *чинче* ‘жемчужный, блестящий’. Наибольшей частотностью отличается эпитет *ший* ‘серебряный, серебристый’: *ший оржан, ший почан,*

³⁴ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ 1967. № 29. С. 60.

³⁵ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ 1980. Л. 38.

³⁶ НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ 1962. № 49. С. 36.

³⁷ В марийском языке слово *кече* представлено тремя омонимами: I. *кече* солнце, солнышко, II. *кече* день, сутки, время, пора, III. *кече* погода. Словарь марийского языка. Т. 2: И–К (кабак – коса). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во; 1992. С. 320–321.

ший таганан ормамак ‘с серебристой гривой, с серебристым хвостом, с серебряными копытами конь’, *ший шуран*, *ший почан лопка санга / ўшкыж* ‘с серебряными рогами, с серебристым хвостом широкий лоб / бык’, *ший шуран тага* ‘с серебряными рогами баран’, *ший шуран*, *ший почан шорык* ‘с серебряными рогами, с серебристым хвостом овца’ [22]. Так же, как эпитет *ший*, прилагательные *чинче* ‘жемчужный’, *сӧраста-рыме* ‘украшенный’ в денотатах отмечают красоту, отличие от обычных предметов.

Постоянный эпитет *тичмаиш* ‘цельный’ выделяет цельность подношений, ср.: *кугу тичмаиш мелна* ‘большой цельный / цельный блин’, *тичмаиш кинде* ‘цельный / цельный хлеб’, *тичмаиш пура корка* ‘полная / цельная чаша кваса’, *тичмаиш шиште сорта* ‘цельная восковая свеча’. С этим эпитетом выступают практически все слова, обозначающие дары для богов.

В современной ритуальной практике мари наблюдаются трансформация и редукция как обрядов, так и молитв. В текстах опускаются именно те части, которые являются маркерами сакральности и имеют глубокие корни в мифологических воззрениях (эпитеты, сравнения, перифразы). Служители культа не так строго относятся к соблюдению табу. Смысловое наполнение этих компонентов постепенно утрачивается.

Заключение

Система воззрений о священном, божественном определяет принципы, правила и запреты, соблюдаемые священнослужителями и верующими при подготовке и проведении ритуалов, что фиксируется в текстах молитв. Эпитеты, сравнения, перифразы отмечают в молитвах то, что имеет отношение к божественному, светлому, благому (величие Юмо, чистоту, целостность даров), и в то же время подчеркивают неразрывную связь, единство небесного и земного, божественного и человеческого.

Рассмотренные маркеры сакрального придают объектам и действиям священный характер, отделяют их от обыденного, указывают на объекты, которые несут в себе символические и мифологические коннотации, имеют для верующих высокую значимость. Сохранение этих механизмов конструирования сакрального позволяет верующим в акте молений обрести смысл бытия, способствует гармонизации духовного пространства.

Таким образом, поиск смыслов сакральной составляющей ритуалов и текстов мариийской этнической религии – это не просто изучение архаики, а выявление компонентов идентичности этноса, поскольку моления мари продолжают коррелировать с запросами общества. Понимание кодов культуры в целом необходимо для грамотной актуализации и трансляции культурного наследия в современной социальной практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.М. Текстоментальные категории евангельской притчи (на материале немецкого и русского языков). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024;17(3):713–719. <https://doi.org/10.30853/phil20240101>
2. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосомиотика сакральности: знак, слово, текст. *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языковедение*. 2009;(1):80–87. <https://www.elibrary.ru/kzmgxx>
3. Казаков Г.А. Сакральная лексика в системе языка: моногр. М.: ИД «КДУ»; 2016. 142 с.
4. Воробьева С.Н. Сакральность (сакральное) как конститутивное свойство религиозного дискурса. *Филология: научные исследования*. 2019;(6):140–149. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.6.31121>
5. Шкуран О.В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. *Вестник РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019;10(2):336–352. <https://www.elibrary.ru/ztkkcu>
6. Пашков С.М. Сакральность как фактор текстообразования в религиозной коммуникации. *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика*. 2023;(1):90–99. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2023-1-90-99>
7. Пашков С.М. Сакральность как категория религиозного сознания в лексико-семантической перспективе (на материале английского языка). *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2024;(213):276–288. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-213-276-288>

8. Cook C. Psychiatry in Scripture: Sacred Texts and Psychopathology. *The Psychiatrist*. 2012;36(6):225–229. <https://doi.org/10.1192/pb.bp.111.036418>
9. Stein G. The Hidden Psychiatry of the Old Testament. Hamilton Books (Rowman & Littlefield); 2018. 610 p. <https://doi.org/10.1192/bjp.2019.210>
10. Stein G. Did Ezekiel Have First-Rank Symptoms? *The British Journal of Psychiatry*. 2009;194(6):551. <https://doi.org/10.1192/bjp.194.6.551>
11. Hannabuss S. The Hidden Psychiatry of the Old Testament By George Stein. Hamilton Books (Rowman & Littlefield). 2018. 610 pp. *The British Journal of Psychiatry*. 2020;216(2):121. <https://doi.org/10.1192/bjp.2019.210>
12. Попов Н.С. К вопросу о становлении и развитии традиционной марийской религии. *Финно-угроведение*. 2020;(61):148–157. URL: <https://marnii.ru/zhurnal/vypuski/> (дата обращения: 20.08.2025).
13. Калиев Ю.А. Мифологическое сознание мари. Феноменология традиционного мировосприятия: моногр. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т; 2003. 216 с. URL: <https://clck.ru/3RqrGq> (дата обращения: 20.08.2025).
14. Абукаева Л.А. Концептосфера марийской этнической религии: моногр. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2024. С. 7–9.
15. Кудрявцев В.Г. Культурные места мари как символы культурной идентичности. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2019;13(4):678–687. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-4-678-687>
16. Шутова Н.И. Священные места марийцев Удмуртии и удмуртские капища: проблемы изучения. В: Марийская Традиционная Религия: история и современность: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной Году культурного наследия народов России. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ; 2022. С. 50–72. https://doi.org/10.51254/978-5-94950-120-7_2022_03
17. Коновалова Н.И. Креативный синкретизм речевых жанров угрозы и задабривания в сакральных текстах традиционной народной культуры. *Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2020;29(2):257–269. <https://doi.org/10.26170/ufv20-02-23>
18. Абукаева Л.А. Запреты в системе воззрений мари: моногр. Йошкар-Ола; 2018. С. 33–65. <https://www.elibrary.ru/rowaz>
19. Абукаева Л.А. Культурные запреты в системе воззрений мари. *Вестник Марийского государственного университета*. 2014;(2):72–76. <https://www.elibrary.ru/tdupql>
20. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале: моногр. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; 2015. 528 с.
21. Садиков Р.Р., Миннихметова Т.Г. Вещи в пространстве удмуртских жертвоприношений: на границе утилитарного и сакрального. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2022;16(2):295–305. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-2-295-305>
22. Абукаева Л.А. Марийский народ – народ серебряный: информационный потенциал эпитета *ший* ‘серебряный / серебристый’ в марийском языке. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2025;19(2):156–163. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-2-156-163>

Информация об авторе:

Абукаева Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра изучения уральских языков Марийского государственного университета (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9622-6770>, SPIN-код: 2749-3625, sylne@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 19.09.2025; одобрена после рецензирования 29.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

REFERENCES

1. Alekseeva Y.M. Textmental Categories of the Gospel Parable (Based on German and Russian). *Philology. Theory & Practice*. 2024;17(3):713–719. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/phi20240101>
2. Astafurova T.N., Olyanitch A.V. Lingua-Semiotics of Sacredness: Sign, Word, Text. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2009;(1):80–87. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/kzmgxx>
3. Kazakov G.A. [Sacred Vocabulary in the Language System: Monograph]. Moscow; 2016. 142 p. (In Russ.)

4. Vorob'eva S.N. Sacredness (Sacred) as a Constitutive Quality of Religious Discourse. *Philology: Scientific Researches*. 2019;(6):140–149. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2019.6.31121>
5. Shkuran O.V. Language Units with Sacred Semantics: Linguoculturological and Lexicographic Aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2019.10(2):336–352. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ztkkcu>
6. Pashkov S.M. Sacredness as a Factor of Text Formation in Religious Communication. *Bulletin of the Moscow Region State University. Ser.: Linguistics*. 2023;(1):90–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2023-1-90-99>
7. Pashkov S.M. Sacredness as a Category of Religious Consciousness in Lexicosemantic Perspective: The Case of the English Language. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2024;(213):276–288. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2024-213-276-288>
8. Cook C. Psychiatry in Scripture: Sacred Texts and Psychopathology. *The Psychiatrist*. 2012;36(6):225–229. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-213-276-288>
9. Stein G. The Hidden Psychiatry of the Old Testament. Hamilton Books (Rowman & Littlefield); 2018. 610 p. <https://doi.org/10.1192/bjp.2019.210>
10. Stein G. Did Ezekiel Have First-Rank Symptoms? *The British Journal of Psychiatry*. 2009;194(6):551. <https://doi.org/10.1192/bjp.194.6.551>
11. Hannabuss S. The Hidden Psychiatry of the Old Testament By George Stein. Hamilton Books (Rowman & Littlefield). 2018. 610 pp. *The British Journal of Psychiatry*. 2020;216(2):121. <https://doi.org/10.1192/bjp.2019.210>
12. Popov N.S. To the Question of Formation and Development of Mari Traditional Religion. *Finno-Ugrovedenie*. 2020;(61):148–157 (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://marnii.ru/zhurnal/vypuski/> (accessed 20.08.2025).
13. Kaliev Yu.A. [Mari Mythological Consciousness. Phenomenology of Traditional Worldview: Monograph]. Yoshkar-Ola; 2003. 216 p. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RqrGq> (accessed 20.08.2025).
14. Abukaeva L.A. [The Conceptosphere of the Mari Ethnic Religion: Monograph]. Yoshkar-Ola; 2024. P. 7–9. (In Russ.)
15. Kudryavtsev V.G. Cult Places of Mari as a Symbol of Cultural Identity. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2019;13(4):678–687. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-4-678-687>
16. Shutova N.I. Sacred Sites of the Mari in Udmurtia and Udmurt Chapels: The Problems of Study. In: [Mari Traditional Religion: History and Modernity: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the Year of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia]. Yoshkar-Ola; 2022. P. 50–72. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.51254/978-5-94950-120-7_2022_03
17. Konovalova N.I. Creative Syncretism of Speech Genres of Threat and Appeasement in Sacred Texts of Traditional Folk Culture. *Ural Journal of Philology. Ser.: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*. 2020;29(2):257–269. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26170/ufv20-02-23>
18. Abukaeva L.A. [Prohibitions in the Mari Worldview System: Monograph]. Yoshkar-Ola; 2018. P. 33–65. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/yrowaz>
19. Abukayeva L.A. Worship Bans in the Mari System of Thoughts. *Vestnik of the Mari State University*. 2014;(2):72–76. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/tdupql>
20. Tolstaya S.M. [The Image of the World in Text and Ritual: Monograph]. Moscow; 2015. 528 p. (In Russ.)
21. Sadikov R.R., Minniyakhmetova T.G. Things in the Space of Udmurt Sacrifices: On the Border of the Utilitarian and the Sacred. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;16(2):295–305 (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2022-16-2-295-305>
22. Abukaeva L.A. Mari People – Silver People: Information Potential of the Mari Word Shi ‘Silver / Silvery’. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2025;19(2):156–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-2-156-163>

Information about the author:

Lyubov A. Abukaeva, Dr.Sci. (Philol.), Associate Professor, Head of the Center of Uralic Languages Studies, Mari State University (1 Lenin Square, Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9622-6770>, SPIN-code: 2749-3625, sylne@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 19.09.2025; revised 29.10.2025; accepted 06.11.2025.